

Саудабекова Э.К.

ПРОБЛЕМА СИМВОЛА В ТВОРЧЕСТВЕ А.Ф. ЛОСЕВА

Saudabekova E.K.

PROBLEM OF A SYMBOL IN A.F. LOSEV CREATIVITY

The analysis of the concept of a symbol of known philosopher A.F. Losev is submitted in the article. It is shown, that in development of the given concept it is possible to allocate two periods: 1) early period when he was on positions of Platonism and Neo-Platonism in the decision of a problem of a symbol, and 2) late period when he started with so-called «the Lenin theory of reflection» in the decision of this problem. In the article it is marked, that though A.F. Losev has presented more developed concept of a symbol in the second period, he nevertheless did not manage to carry out precise and consecutive distinction between a symbol and a sign.

Известный философ А. Ф. Лосев уделял внимание проблеме символа уже в ранний период своего творчества. Так, уже в монографии «Философия имени» (1927 г.) он ставил и решал эту проблему. Здесь она ставится и решается в плане языка. Лосев здесь выделяет до-предметную структуру имени и предметную его структуру. Верхний слой имени, или слóва, его звуковую оболочку он в соответствии с традицией именуется фонемой. В структуре слова он выделяет ту его часть, которая обладает характером значения или (и) значимости – семеме. «Семема, – пишет он, – наделяет фонему *особыми* значениями, уже не имеющими никакого отношения к фонеме как таковой» [1]. К ним он относит: 1) этимологический (или этимный) момент, 2) морфему, или морфематический момент, 3) синтагму, или синтагматический слой в семеме, 4) поёмму слóва, или поёмматический слой в семеме. Вся эта группа, отмечает Лосев, «обладает одним существенным свойством – *говорить о значении слова в применении к звуковой стороне слова*. Все указанные нами типы семемы... суть типы фонетического или, вернее, внешне-словесного характера. В них *совпадает* значение и звук – так что звук носит не-звуковое значение. Звук, фонема тут есть, поэтому, *символ* (символон) не-звукового значения. И, значит, все эти типы семемы можно обобщить в один – *символический* – слой семемы и, следовательно, слóва, а их единство в одном едином слое можно обозначить как *символическое единство семемы* вообще, или первое символическое единство слова» [2]. Далее он выделяет также и второе символическое единство слова, или второй символон.

Надо отметить, что пока неясно, на каком основании А. Ф. Лосев говорит в данном случае о символе. Переходя к анализу предметной структуры имени, он отмечает: «**Предмет имени – опора всех судеб имени; первая диалектическая установка – диалектика внешней явленности эйдоса и её необходимые категории**» [3]. Он говорит о предметной сущности имени и выделяет «три

необходимые момента в каждой сущности: *момент генеологический*, или момент сверх-сущего единства, охватывающего все бытийные и все не-бытийные, меональные, моменты вещи; *момент эйдетический*, или момент оформления вещи, очертания её, момент обрисовки контура, момент явленного смысла, или идеи; *момент генетический*, т.е. алогически становящийся, или момент вечной подвижности и жизненности устанавливаемого смысла в пределах эйдоса и начального единства. К этому необходимо прибавить *момент меонально-фактический, телесно-сущностный*, гилетический, софийный (в широком смысле), то эйдетическое “иное”, на фоне которого как *факта* происходит обрисовка, т.е. оформление самого смысла» [4].

Лосев далее ставит вопрос о возможности явленности эйдоса целиком. А «для такого явления должна быть постулирована, прежде всего, некая *иноприродная ему среда*, некое инобытие, где он мог бы проявиться» [5]. И такая среда, отмечает Лосев, уже есть. В ходе дальнейших рассуждений он приходит к заключению, что произошло «полное и окончательное *отождествление* являющегося эйдоса с явившимся, при всём их столь же несомненном *различии*. Неявленный эйдос, эта смысловая цельность, соотносясь с внешним себе алогически-становящимся и алогически-ставшим инобытием, конструируется как бы заново, заново перестраивается. На ней появляется новый рисунок, видны более глубокие моменты, появляется *перспектива и рельеф*. Эйдос превращается в изваяние, столь же смысловое и сущное, что и раньше, но уже гораздо более богатое, тонко-отделанное и живое. Это и есть *символический* момент имени, уже не тот, который раньше у нас был связан с семемой, т.е. с до-предметной структурой имени, но символический в смысле самой предметности имени. Это – *предметно-символический момент* имени» [6]. А. Ф. Лосев подчёркивает: «С понятием символа мы переходим, наконец, в сферу подлинно языковых явлений, понимаемых уже не субъективно, не психологически, не исторически и вообще не фактически, но именно чисто предметно-выразительно. Язык есть предметное обстояние бытия, и обстояние – смысловое, точнее – выразительное, и ещё точнее – символическое» [7].

Приведём, наконец, характеристику Лосевым сущности символа. «...В символе, – пишет он, – мы находим *инобытийный материал*, подчиняющийся в своей организации *эйдосу*. Символ – не эйдос, но воплощённость эйдоса в инобытии, и притом не обязательно в реальном и фактическом инобытии. Символ в собственном смысле слова есть именно не

реальный переход в инобытие, но *смысловая же* вобранность инобытия в эйдос. Эйдос, оставаясь столь же эйдетическим, вбирает в себя инобытие как материал, перестраивается, заново создаётся; и уже оказывается в нём внутреннее и внешнее, хотя и даны они оба – в своём полном самоотждестве. Отсюда, символ и есть неисчерпаемое богатство апофатических возможностей смысла. Символ только и мыслим при условии апофатизма, при условии бесконечного ухода оформленных, познаваемых сторон эйдоса в неисчерпаемость и невыразимость первоисточника всего в нём оформленного и осмысленного. Эйдос сам по себе не апофатичен, ибо есть некая строгая оформленность и координированно-раздельная цельность сущего. [...] Символ есть смысловое круговращение алогической мощи непознаваемого, алогическое круговращение смысловой мощи познания. [...] Символизм есть апофатизм, и апофатизм есть символизм» [8].

Такова концепция символа раннего Лосева. Из приведённых цитат видно, что во-первых, сфера функционирования символа у него ограничивается сферой языка, хотя символ у него и выводит в область предметности. Однако, во-вторых, эта предметность предстаёт лишь в виде эйдоса, который воплощается в символе как своём материале. Потому-то символ и апофатичен. В-третьих, на данной концепции символа лежит печать сильной зависимости в этот период Лосева от платонизма и неоплатонизма.

В 1976 г. А. Ф. Лосев выпустил в свет монографию «Проблема символа и реалистическое искусство». В ней представлена уже иная концепция символа. Сетую на то, что очень часто символ просто отождествляется со знаком, что его то с аллегорией, то с эмблемой, то с персонификацией, то с типом, то с мифом и т.д., он отмечает: «Предварительно можно сказать, что к сущности символа относится то, что никогда не является прямой данностью вещи, или действительности, но её *заданностью*, не самой вещью, или действительностью, как порождением, но её *порождающим принципом*, не её предложением, но её *предположением*, её полаганием. Выражаясь чисто математически, символ является не просто функцией (или отражением) вещи, но функция эта разложима здесь на бесконечный ряд, так что, обладая символом вещи, мы, в сущности говоря, обладаем бесконечным числом разных отражений, или выражений вещи, могущих выразить эту вещь с любой точностью и с любым приближением к данной функции вещи» [9]. Ещё одной важной математической моделью для выработки понятия символа Лосев считает процедуру извлечения корня. Это извлечение нельзя выразить с помощью конечного числа арифметических знаков. Так, например, квадратный корень из трёх не может дать точного представления об этом корне. Вкрадывается иррациональный элемент. «точно так же, – отмечает Лосев, – и символ вполне видим и вполне осязаем, хотя в него входят иррациональные и трансцендентные величины» [10].

Данная трактовка символа до некоторой степени сближается с той, которая представлена в сочинении «Философия имени». Только если там философским основанием для А. Ф. Лосева был платонизм и неоплатонизм, то теперь выступает так называемая «ленинская теория отражения». Он, в частности, утверждает: «Нам представляется необходимым, поскольку символ относится и к области теории познания и к области искусствознания, использовать ту кратчайшую и очевиднейшую схему, которую В. И. Ленин предлагает для понимания того, что такое процесс познания. По В. И. Ленину, процесс познания начинается от живого чувственного созерцания действительности, идёт к абстрактному мышлению и заканчивается практикой. Как раз эти ступени мы и находим в символе, когда он трактуется в своей связи с объективной действительностью» [11].

Оставим в стороне тот факт, что эта схема Ленина противоречит выработанному К. Марксом принципу предметной деятельности. Обратимся к Лосеву. Какой же вывод он делает из обращения к данной схеме? Он пишет: «На основании... высказываний Ленина, кажется, можно заключить, что всё абсолютное мы должны трактовать как *символ относительного*, а всё относительное как *символ абсолютного*. Одно другое пронизывает, и одно невозможно без другого» [12]. Отметим, не вдаваясь в аргументацию, что ни из каких высказываний Ленина это не вытекает. В этих словах верно лишь то, что абсолютное и относительное суть взаимопроникающие друг друга противоположности, осуществляющиеся друг через друга. Но к символу это не имеет никакого отношения.

А. Ф. Лосев пишет: «...В понятии символа мы выдвигаем на первый план закономерное разложение той или иной модели в бесконечный ряд её перевоплощений или её отдельных моментов, то более, то менее близких между собою. ...Именно эта черта, то есть модельное и закономерное, системное разложение той или иной обобщённой функции действительности в бесконечный ряд частных и единичностей, как раз и является наиболее оригинальной чертой в понятии символа» [13]. Символ вещи, рассуждает Лосев, есть, конечно идейно-образное отражение, но тем не менее не сводится к нему; в нём скрывается и нечто загадочное, то есть нечто большее, чем сама вещь в её наличном бытии. Исходя из упомянутой ленинской схемы процесса познания, в соответствии с которой последним звеном познавательного процесса есть практика, Лосев пишет: «Символ и есть такое теоретическое построение, которое является принципом для нашей практики и даже для бесчисленного количества наших практических творческих переделываний действительности» [14]. И, наконец, он даёт конкретное определение символа: «Символ есть принцип бесконечного становления с указанием всей той закономерности, которой подчиняются все отдельные точки данного становления. А это требует своей собственной

логики» [15]. И Лосев переходит к анализу общей логики символа и его общей структурно-семантической характеристики.

Каждый символ отмечает он всегда указывает на некий предмет, который выходит за границы его непосредственного содержания. Символ всегда содержит в себе *смысл*, который также указывает на нечто иное, точнее – на сознание и мышление, в которых вещь отражается. Лосев твёрдо придерживается «теории отражения». «Символ вещи, – пишет он, – есть отражение вещи. Но отражение это есть *смысловое отражение*, а не просто физическое, физиологическое и т.д. Смысл вещи, – добавляет он, – сам по себе отнюдь не есть вещь» [16]. Но это понятно само собой: вещь реальна, тогда как смысл идеален. Лосев уточняет: «Можно сказать, что символ вещи есть *функция* вещи» [17]. Это уже спорное суждение: получается, что вещь как таковая имеет своей функцией символ. А. Ф. Лосев почему-то не упоминает о *субъекте*, человеку, который осуществляет как деятельность с вещью, так и наделяет её функцией быть символом, а, кроме того, является и творцом смысла, который он вкладывает в тот или иной символ. Всякий символ, отмечает далее Лосев, всегда является некоторым обобщением. Следующими атрибутами символа вещи он называет её закон и её упорядоченность, или её идейно-образное оформление. «Но, – отмечает Лосев, – взятая сама по себе, идейная образность вовсе ещё не есть символ. Чтобы быть символом, она должна указывать на нечто другое, что не есть она сама, и даже быть для этих других предметов законом их построения» [18].

Далее Лосев отмечает, что символ вещи есть её выражение, и пишет: «Самым существенным здесь является то, что выражение вещи всегда есть так или иначе её *знак*, а без момента знаковости решительно невозможно добиться существенного определения символа. – И добавляет: – Прежде всего, если всякий символ есть выражение, то далеко не всякое выражение есть символ; и если всякий символ вещи есть её знак, то опять-таки далеко не всякий знак вещи есть её символ. Тут огромная путаница и терминов и понятий» [19]. Последнее замечание очень правильное, особенно это касается соотношения знака и символа. Всякий символ есть знак, но не всякий знак есть символ. Это – непреложная истина. Однако каков критерий их различения? Лосев пока не отвечает на данный вопрос и раскрывает другие характеристика символа. «Символ, – пишет он, – есть арена встречи обозначающего и обозначаемого, которые не имеют ничего общего между собою, но в то же самое время он есть *сигнификация* вещи, в которой отождествляется то, что по своему непосредственному содержанию не имеет ничего общего по своему содержанию, а именно – символизирующее и символизируемое» [20]. Далее он отмечает: «В символе смысл некоего предмета переносится на другой предмет, и только в таком случае этот последний может оказаться символом первичного предмета» [21]. Но то же самое можно

сказать и о знаке: значение одного феномена воплощается в другом феномене, «переносится на него». Следовательно, специфика символа в отличие от знака пока не установлено.

Вторая глава анализируемой монографии имеет название «От знака к символу». А. Ф. Лосев пишет: «Когда под знаком понимается простейшее, вполне примитивное и элементарное указание на какой-нибудь предмет, то такого рода значение данного термина является вполне бытовым и обывательским, и тут не требуется никаких разъяснений» [22]. На это следует ответить, что сущность знака несколько не меняется от того, является ли знак простым или сложным, указывает ли он на обыденный предмет или же на какой-то особенный. Лосев предлагает следующее определение знака: «Знак вещи есть 1) отражательно- 2) смысловая и 3) контекстуально- 4) демонстрирующая 5) функция 6) вещи (или действительности вообще), данная как 7) субъективно преломленный 8) предельно обобщённый и 9) обратно-ото-бразительный 10) инвариант 11) текуче-вариативных 12) показаний 13) предметной 14) информации» [23]. К этому Лосев добавляет, что «знак есть прежде всего система отношений» [24]. Это, конечно, спорное утверждение: сам по себе знак как единство материала и значения, то есть, грубо говоря, как специфический предмет *не есть* система отношений. Он есть *посредник* в конкретной системе отношений. Скажем, знак светофора есть посредник в системе отношений «водитель – пешеходы – другие водители – правила дорожного движения – дорожная служба и т.д.»

Каждый знак, отмечает Лосев, имеет одно или же несколько значений. И, почти восклицает он: «...Разве может что-нибудь помешать нам мыслить знак как принцип бесконечного количества значений» [25]. Далее он отмечает, что даже «количество значений языкового знака невозможно перечислить ни в каком виде и что эту неперечислимость, вполне фактическую и вполне необходимую, нужно как-нибудь обозначить; если наш термин “символ” не подходит, мы не станем возражать против другого, более подходящего термина. В настоящем же пункте нашего исследования по разным причинам, рассуждения о которых завели бы нас далеко в сторону, мы считаем единственным исходом – употребление этого термина “символ”...» [26] Лосев осознаёт, что различие между символом и знаком установлено недостаточно. И он пишет: «Одним из главнейших выводов нашего предыдущего исследования является не только то, что символ есть разновидность знака, но также и то, что и знак в некотором отношении тоже является символом. Символ есть развёрнутый знак, но знак тоже является неразвёрнутым символом, его зародышем» [27].

Такой вывод был бы оправдан, если бы автор не ограничивался чисто количественным критерием и не ставил бы знак и символ *в одну плоскость*, если

бы он установил между ними отношение иерархии. И он пытается предпринять подобное. Он обращается к понятию *модели*. Он пытается определить символ как *копию* модели. И он пишет: «Термин “символ” получает своё значение в связи с той или другой *значительностью* символизируемой им предметности» [28]. Дав такое, по сути правильно (хотя и крайне абстрактное) определение сущности символа, А. Ф. Лосев то отступает от него, то возвращается к нему буквально на паре страниц. Он то заявляет, что «всякий символ, как и всякий знак, есть модель определённой предметности», то утверждает, что «символ требует для себя не просто модели, но ещё и *порождающей модели*» [29]. Другими словами, он для себя окончательно, а главное – твёрдо, так и не прояснил, в чем принципиальное различие символа и знака.

Примечания

1. Лосев А. Ф. *Философия имени //Он же*. Из ранних произведений. М., 1990. С. 29.
2. Там же. С. 31.
3. Там же. С. 76.
4. Там же. С. 77.
5. Там же. С. 79.
6. Там же. С. 80.
7. Там же. С. 80 – 81.
8. Там же. С. 92 – 93.
9. Лосев А. Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство*. М., 1976. С. 12.
10. Там же. С. 14.
11. Там же. С. 18.
12. Там же. С. 26.
13. Там же. С. 15. «Не вводя этого момента в символ, – поясняет Лосев, – будет очень трудно разграничить символ от других, соседних категорий литературоведения и искусствоведения» (Там же).
14. Там же. С. 32. Согласно ему, также «понятие о действительных вещах есть их символ» (Там же. С. 27).
15. Там же. С. 35.
16. Там же. С. 38.
17. Там же. С. 39.
18. Там же. С. 41.
19. Там же. С. 42.
20. Там же. С. 50 – 51.
21. Там же. С. 56.
22. Там же. С. 68.
23. Там же. С. 86.
24. Там же. С. 87.
25. Там же. С. 129.
26. Там же. С. 130.
27. Там же. С. 131. «*Всякий знак, – пишет Лосев, может иметь бесконечное количество значений, то есть быть символом*» (Там же. С. 130).
28. Там же. С. 132. Ср.: Там же. С. 134.
29. Там же. С. 133.